

УДК 821.161.1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ И ГЛУБИНА СИМВОЛИЗАЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА «ПОЭТ И РЕДАКТОР»

© Артем Скворцов

HISTORICAL AUTHENTICITY AND THE DEPTH OF SYMBOLIZATION IN OLEG CHUKHONTSEV'S POEM "THE POET AND THE EDITOR"

Artem Skvortsov

Oleg Chukhontsev's poem "The Poet and the Editor" (1972) was written in the critical period of the author's creative work, when, for several years, he lost the possibility to publish his verses in the Soviet press. In the poem, several genres (dialogue, satire and idyll) and semantic layers are organically and non-trivially combined. The poem is symbolic in spite of the accuracy of historical details from the era of stagnation. It presents a complicated literary game with respect to the given situation, title, verse form and style. Behind the seemingly clear title, there exist several oppositions. The figure of the Poet remains unchanged in all the pairs, while the Editor changes a variety of masks. Thus, we note the following system of relationships: a poet/an editor (ideally, a literary assistant), a poet/ a censor (an ill-wisher and a suppressor), a poet/an authority (an extremely repressive body), a poet/ a literary critic (a clever opponent), a poet/a reader (a well-wisher and a friend). The poem can be interpreted as a description of a split lyrical subject, a self-dialogue, in this case a pair "a poet/ an inner editor" should be added to the list. "The Poet and the Editor" is largely focused on Pushkin's manner of writing with regard to its style and verse form. However, this stylization is highly ironic in relation to the tradition. As for the genre and literary subtext, the poem implies a certain series of texts: classical metafictional poems, chronologically and semantically connected: A. Pushkin's "Conversation of the Bookseller with the Poet" (1824), M. Lermontov's "A Journalist, a Reader and a Writer" (1840), N. Nekrasov's "The Poet and the Citizen" (1855-56) and many others.

Thus, "The Poet and the Editor", firstly, represents a typically authentic situation of a conflict between the free artist and the Soviet official body—the poem is set in a certain socio-cultural context. Secondly, it presents the explication of the inner speech of the lyrical subject, split into the hypostatized of a poet—"idealist" and an editor—"cynic", which is a deeply private, almost intimate lyrical confession. Thirdly, it depicts, in a most generalized way, the relationship between the creator and the audience – in almost every era.

Keywords: O. Chukhontsev, verse form, semantics, genre, style, subtext, historical realities.

Стихотворение Олега Чухонцева «Поэт и редактор» (1972) создано в переломный период творчества автора, когда на несколько лет он потерял возможность публиковать стихи в советской печати. В произведении органично и нетривиально сочетаются несколько разнородных жанров (диалог, сатира, идиллия) и смысловых пластов. При всей точности исторических реалий эпохи застоя, стихотворение символично и представляет собой сложную литературную игру, что касается и самой представленной ситуации, и заглавия произведения, и его стиховой формы, и стиля. За внешне ясным заглавием скрываются несколько противопоставлений. Во всех парах неизменной остается фигура Поэта и его позиция, тогда как образ Редактора изменчив, персонаж сменяет целый ряд масок. В результате просматривается следующая система отношений: поэт / редактор (в идеале – литературный помощник), поэт / цензор (недоброжелатель и запретитель), поэт / власть (предельно репрессивное начало), поэт / критик (умный оппонент), поэт / читатель (доброжелатель и друг). Стихотворение может прочитываться и как описание раздвоения лирического субъекта, диалог с самим собой, и в таком случае следует добавить к списку пару «поэт / внутренний редактор». В стилистическом отношении и в плане стиховой формы «Поэт и редактор» в значительной степени ориентирован на пушкинский слог, причем стилизация здесь подчеркнута иронично по отношению к традиции. С точки зрения жанра и литературного подтекста стихотворение подразумевает определенный ряд сочинений: классические металитературные стихотворения, связанные хронологически и смыслово: «Разговор книгопродавца с поэтом» А. Пушкина (1824), «Журналист, читатель и писатель» М. Лермонтова (1840), «Поэт и гражданин» Н. Некрасова (1855–1856) и многие другие.

Таким образом, «Поэт и редактор», во-первых, изображает типологически достоверную ситуацию столкновения свободного художника с советским официозом – стихотворение встроено в определенный социокультурный контекст. Во-вторых, оно представляет собой экспликацию внутренней речи лирического субъекта, раздваивающегося на ипостаси поэта-«идеалиста» и редактора-«циника», и является глубоко личным, почти интимным лирическим признанием. И, в-третьих, оно предельно обобщенно рисует взаимоотношения творца и аудитории – практически в любую эпоху.

Ключевые слова: О. Чухонцев, форма стиха, семантика, жанр, стиль, подтекст, исторические реалии.

Олег Чухонцев (р. 1938) – один из наиболее значительных и влиятельных современных русских поэтов (см. предшествующие работы о нем: [Скворцов, 2006], [Скворцов, 2007], [Скворцов, 2011], [Скворцов, 2012], [Скворцов, 2013], [Скворцов, 2014], [Скворцов, 2015], [Скворцов, 2017]). В настоящее время он полноправный представитель поэтического истеблишмента, лауреат практически всех крупных литературных премий, вручаемых в России за поэтические достижения. Однако в советский период его литературная судьба складывалась трудно. Начав публиковаться еще в конце пятидесятых, он был вынужден ждать выхода дебютной книги до 1976 года, а на рубеже 1960-1970-х вообще оказался отлучен от печатного станка за стихотворение «Повествование о Курбском» (1967).

Именно в этот драматический период творчества Чухонцева и было создано стихотворение «Поэт и редактор (в известном роде)» (1972). Для адекватного восприятия произведения следует иметь в виду, что Чухонцев десятки лет работал литературным редактором, в том числе и в те годы, когда его собственные стихи не могли дойти до широкого читателя. В то же время «Поэт и редактор» – единственный случай в творчестве Чухонцева, когда его лирический герой предстает в образе Поэта, максимально близкого самому автору.

Основной художественный эффект стихотворения строится на взаимосуществовании в нем реалистичного переднего плана и неявной смысловой глубины. Внешне перед нами воссоздание правдоподобной, исторически и психологически достоверной ситуации, которая вполне могла бы сложиться в некоей советской редакции начала семидесятых годов. Жанровая оболочка произведения – стихотворная микродрама, где действуют два персонажа, Поэт и Редактор (в действительности жанр произведения неоднозначен – см. ниже).

Сюжет стихотворения прост. Поэт, нонконформист и литературный неудачник, заходит поинтересоваться у изворотливого и прожженного Редактора о судьбе своей рукописи. Редактор дает понять автору, что его стихи талантливы, но

«непроходимы» для советской печати. Если Поэт пойдет на уступки и согласится кое-что исправить, то, возможно, его опубликуют. Отказываясь, Поэт уходит. Отметим, что при этом все существенно важные вещи в диалоге сообщаются не напрямую, а обиняками и намеками.

Символический же план стихотворения значительно более сложен и не может быть определен столь же кратко, он требует вчитывания и анализа. Несмотря на то что Чухонцев один из самых цитатных современных русских поэтов, культурный слой в его стихах обычно затушевывается, он имплицитен. Прямая литературность для автора нетипична. Поэтому подчеркивание, даже выпячивание литературной проблематики в его конкретном стихотворении – исключение, а не правило. По сути, «Поэт и редактор» представляет собой сложную литературную игру. Это касается и самой представленной ситуации, и заглавия произведения, и его стиховой формы, и стиля. Рассмотрим несколько смысловых слоев текста, толкуя разные его уровни – от названия до скрытой семантики.

Оппозиция, обозначенная в заглавии, лукава. На самом деле за одним противопоставлением здесь скрываются несколько, причем во всех парах неизменной остается фигура Поэта и его позиция, тогда как образ Редактора «протеичен», персонаж сменяет целый ряд масок. В результате просматривается следующая система отношений: поэт / редактор (в идеале – литературный помощник), поэт / цензор (недоброжелатель и запретитель), поэт / власть (предельно репрессивное начало), поэт / критик (умный оппонент), поэт / читатель (доброжелатель и друг). Стихотворение может прочитываться и как описание раздвоения лирического субъекта, диалог с самим собой, и в таком случае следует добавить к списку пару «поэт / внутренний редактор».

Подзаголовок «в известном роде» также требует отдельного комментария. Он подразумевает определенный ряд сочинений. Это прежде всего классические металитературные стихотворения, связанные хронологически и смыслово: «Разговор книгопродавца с поэтом» А. Пушкина (1824), «Журналист, читатель и писатель» М. Лермонто-

ва (1840), «Поэт и гражданин» Н. Некрасова (1855-56). Однако ими данный ряд не исчерпывается, и можно перечислить некоторые предыдущие и последующие звенья цепи – «Пиит и друг его» А. Сумарокова (между 1770-1774), «Разговор цензора и его друга» А. Шаховского (1808), «Цензор и сочинитель» А. Измайлова (1814), «Журналист и злой дух» С. Шевырева (1827), «Автор и читатель» А. Полежаева (1834), «Поэт и дух жизни» А. Башилова (1836), «Муза» П. Шумахера (1884), «Продолжение одного старого разговора» Саши Черного (1910), «Разговор с фининспектором о поэзии» В. Маяковского (1926), «Разговор» В. Набокова (1928), «Поэт и гражданин» Д. Самойлова (1970-1971, по цензурным соображениям при жизни автора выходило под заглавием «Поэт и старожил»), «Поэт и прозаик» И. Иртеньева (1985) и «Поэт и гражданин» И. Меламеда (1990-е).

Исследованиями [Вацуру, с. 366] выявлено влияние на указанную традицию, начиная с пушкинского опуса, знаменитого «Пролога в театре» (1806) из «Фауста» И.-В. Гете. Определенное типологическое сходство «Поэта и редактора» с ним имеется, но прямые литературные параллели отсутствуют. Тем не менее общая аура «инферральности», окутывающая великое драматическое творение, коснулась и Чухонцева (см. ниже), хотя в самом «Прологе...» ни Фауста, ни тем более Мефистофеля еще нет.

Несмотря на внутренне полемичное отношение Чухонцева к Пушкину и особенно к гладкописи пушкинианства, «Поэт и редактор» – стилистически едва ли не наиболее пушкинское стихотворение Чухонцева, что, конечно же, сделано намеренно и с явной иронией по отношению к соответствующей традиции. Столь же традиционна и стиховая форма, астрофический Я4 АБАБ. Семантический ореол «(...) 4-ст. ямба (...)» очень размыт: это всеядный размер (...), у читателя ХХ в., вероятно, смутно вызывает чувство „ну, это что-то классическое, старомодное“» [Гаспаров, с. 266]. Чухонцев использует его также иронически, как обобщенную цитату, давая знать читателю, что сочинение исполнено в квазитрадиционном ключе.

При подобном игровом настрое «Поэт и редактор» ожидаемо содержит как конкретные литературные отсылки, прямые цитаты, так и аллюзии. Приведем наиболее характерные из них.

Вот-вот, у моря жди погоды
И ждал бы, да просвету нет:
проходят дни, желанья, годы.
Все жду... Спасибо за совет!
Да что, достойно удивленья
не то, по совести сказать,

что продается вдохновенье,
что рукопись нельзя продать:
кому? [Чухонцев, 2008, с. 120].

Здесь очевидна полемика с известной формулой из «Разговора книгопродавца с поэтом»: «*Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать*» [Пушкин, т. 2, с. 179]. Но слова чухонцевского героя также начинаются с пушкинской аллюзии – на «Евгения Онегина» (глава 1, строфа L): «*Придет ли час моей свободы? / Пора, пора! – зываю к ней; / Брожу над морем, жду погоды, / Маню ветрила кораблей*» [Там же, с. 25]. Таким образом, идиома «ждать у моря погоды», описывающая ситуацию безнадежного и бесконечного ожидания лучшего, обретает и конкретную литературную отсылку к мотиву свободы, поскольку Пушкин в своих строках намекал на идею побега из южной ссылки чрез Одессу по морю.

Почти буквальное воспроизведение еще одного пушкинского мотива из «Разговора книгопродавца с поэтом» содержится в строках: «*А ведь поэзия не навык, / а состояние души, / и если тошно с перепоею / или с поденщины мутит, / пусть их! – не поперхнись строкою, / поэт и молча говорит*» [Чухонцев, 2008, с. 122] – «*Блажен, кто молча был поэт*» [Пушкин, т. 2, с. 176].

Есть в стихотворении и минимально измененная скрытая цитата из лермонтовского «Журналист, читатель и писатель», однако встроенная в иной смысловой контекст: «*Ну, ваш запал от раздраженья. / Мы рады вам, когда вы наш. / Войдите ж в наше положенье*» [Чухонцев, 2008, с. 122]. Ср.: «*Но, верьте мне, душевно рад / Я был бы вовсе не браниться – / Да как же быть?.. Меня бранят! / Войдите в наше положенье!*» [Лермонтов, с. 478].

Как установлено, авторство выражения «войди (-те) в мое положение», принадлежит Пушкину [Вацуру, с. 86–87]. Таким образом, Чухонцев ведет здесь усложненную поэтическую игру: в советское время фраза превратилась в языковую пошлость, но в пушкинское она еще была индивидуальной стилистической новинкой – и поэт иронически использует оба значения выражения – массовое и элитарное, кроме того, цитируя одного классика через другого – Пушкина через Лермонтова.

Монолог Поэта о творчестве, фактически вставной эпизод, построенный на контрастном жанровом сочетании идиллии и бурлескной сатиры, где помимо всего прочего говорится о состоянии вдохновения, переживаемом героем в д е р е в н е, идейно также восходит к Пушкину:

Или в деревне – то-то люблю
идти с ведерком за водой,
грибы на потных стенках сруба
сбивать дрожащею бадьей;
а пчелы в парниковой раме
уже жужжат и жалят слух,
и в окнах пыльные герани
цветут, отпугивая мух,
и так неслыханно в природе,
так дух заряжен от ходьбы,
что так же, между делом вроде,
и строки лезут, как грибы [Чухонцев, 2008, с. 121].

Здесь нелишне вспомнить следующий отрывок из неоконченной повести «Египетские ночи», посвященной судьбе поэта в миру:

Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он клеймен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия. Возвратится ли он из деревни, первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь новенького? [Пушкин, т. 6, с. 244 – курсив авт.].

Жанр «Поэта и редактора» также строится на органическом соединении разных литературных явлений: драматический диалог (фактически мини-пьеса), идиллия, политическая сатира, бурлеск, философская лирика. Немаловажно и то, что форма стихотворного диалога тяготеет к скрытому или даже явному выражению творческого кредо творца, нередко становясь «литературным манифестом» [Магомедова]. Наиболее заметно к подобной декларативности стихотворение приближается в центральном монологе Поэта («Не знаю, может, вы и правы...» и т. д.). В целом, как это нередко бывает у Чухонцева, сочинение, преодолевая устойчивые рамки, становится в жанровом отношении синтетичным.

Обратимся теперь к скрытой символичности произведения. Внешний сюжет недвусмыслен: Поэт зашел в редакцию узнать о судьбе своей рукописи и согреться. Сюжет символически высвечивает иную ситуацию: Поэт забредает во враждебный лагерь. Он приходит с мороза, из крайне некомфортной обстановки. Редактор сидит в теплом местечке, но в замкнутом, несвободном пространстве. Вступив в борьбу с враждебными силами и отстояв свою независимость, Поэт вновь выходит из тепличных условий на холод.

В системе устойчивых поэтических мотивов Чухонцева открытое холодное пространство – это пространство пусть и трудной, почти невы-

носимой, но свободы (см.: «Зима. Мороз. Трусит кобылка...» (1960), «Через двор» (1967) и особенно «Когда запевае бор» (1979)). Это не Дантов ледяной ад, хотя отдаленный намек на хождение по кругам ада литературного в «Поэте и редакторе» также присутствует. В мотивную ткань вплетается и нить из «Осени»: «Здоровью моему полезен русский холод» [Пушкин, т. 3, с. 248].

Свобода по Чухонцеву – прежде всего уход в себя, богатая работа воображения, свобода внутри (вновь мотив, развиваемый Пушкиным в «Осени»). С позиции восприятия ситуации стихотворения как внутренней Поэт борется с самим собой, одолевает соблазн, побеждает в душе мифологическое чудовище. Под таким углом зрения христианские мотивы не исчерпываются отдаленным намеком на «Божественную комедию», перед нами еще и отсылка к мотиву искушения нечистой силой. Сама быстрая смена масок Редактора, его психологическая мимикрия указывает на близость героя образу нечистой силы, которая по традиционным представлениям бессубстанциональна и с легкостью может принимать любые неустойчивые формы, поскольку не имеет внутренней сути. В таком случае в литературном отношении антагонистом Поэта оказывается черт из кошмара Ивана Карамазова.

Не случайно герой Достоевского бросает своему inferнальному двойнику упрек, который Поэт вполне может адресовать Редактору:

<...> Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых [Достоевский, с. 72].

Аллюзия поддерживается и литературно-журнальным мотивом, постоянно присутствующим в диалоге героев романиста. Так, черт замечает:

Ты, я вижу, решительно ждешь от меня чего-то великого, а может быть, и прекрасного. Это очень жаль, потому что я даю лишь то, что могу [Там же, с. 75–76].

И далее, оправдывая свой идейный и этический «нигилизм», ссылается на необходимость существования критики как таковой, ловко увязывая ее с областью творчества:

<...> без отрицания-де не будет критики, а какой же журнал, если нет «отделения критики»? Без критики будет одна «осанна» [Там же, с. 77].

Наконец, финальные слова Редактора о необходимости художника идти на компромисс перефразируют мысль черта:

<...> Повторяю, умерь свои требования, не требуй от меня «всего великого и прекрасного» и увидишь, как мы дружно с тобой уживемся, – внушительно проговорил джентльмен [Там же, с. 81].

Ср.:

Живи, коль к людям ты пришел,
как люди. Если независим,
поэт всегда не ко двору,
однако мудрость – в компромиссе:
не принимай, но знай игру,
ты вещь в себе, но в обращенье...» [Чухонцев, 2008, с. 123].

И в тот момент, когда кажется, будто Редактор / Черт одержал победу, испытываемый Поэт спокойно избежал его чар – подобно тому, как Иисус в сходной ситуации произнес «отойди от Меня, сатана» (Матф., 4, ст. 10):

Поэт
Ну, я пойду.
Редактор
Что это вдруг?
Поэт Да так... погрелся в помещенье
и хватит.
Редактор
Если недосуг,
вот рукопись вам. Захотите
к словам прислушаться чужим,
договоримся – заходите.
Поэт
А нет?
Редактор
А нет... поговорим [Чухонцев, 2008, с. 123].

Как это часто бывает у Чухонцева, буквально одни и те же слова, выражения и пассажи стихотворения могут прочитываться смыслово различно, в зависимости от угла зрения – и как реалистичный, психологически, социокультурно, исторически и лингвистически достоверный диалог, и как глубоко символическая драма, где сталкиваются две непримиримые позиции, и в пределе – даже правда земная и правда небесная.

В отношении идейной неоднозначности стоит особо отметить позицию Редактора: на протяжении всего диалога он обращается к Поэту то свысока и пренебрежительно, то едва ли не подбострастно, то с холодным сарказмом, то с почти дружеской теплотой. Столь же двусмысленны его финальные слова, их можно воспринять и как призыв писать не плоско, многомерно, и в то же время как подталкивание к эзопову языку, ис-

кусству глухих намеков и фиги в кармане. Осознавая эзопов язык как неизбежное зло советской эпохи, Поэт и Редактор тем не менее общаются именно на нем – иного способа разговаривать в полуофициальной обстановке для людей, не очень доверяющих друг другу, нет.

Итак, здесь искусно и нетривиально сочетаются несколько разнородных жанров и смысловых пластов. При всей точности исторических реалий эпохи застоя, стихотворение «Поэт и редактор» глубоко символично. Во-первых, оно изображает типологически достоверную ситуацию столкновения свободного художника с советским официозом – то есть встроено в определенный социокультурный контекст. Во-вторых, оно представляет собой экспликацию внутренней речи лирического субъекта, раздваивающегося на ипостаси поэта-«идеалиста» и редактора-«циника» – а значит, может восприниматься как глубоко личное, почти интимное лирическое признание. Наконец, в-третьих, оно предельно общо рисует взаимоотношения творца и аудитории – практически в любую эпоху «Если независим, / поэт всегда не ко двору».

С первых шагов в литературе Чухонцев ориентировался на богатый пласт до- и внесоветской поэзии, на всю совокупность русской и европейской культурной традиции. Анализируя свою позицию 1960-х, в интервью 1995 года поэт признался: «Я никогда не пытался идти в ногу со временем. Не хочу и теперь. Энергия опережения – вот что движет литературу» [Чухонцев, Тарощина, с. 5]. Еще более радикально он сформулировал эту мысль в одной поздней статье: «Недопонимание, по сути, запрограммировано, и не только из-за недомолвок. Это древняя гностическая традиция, где лирический поэт не только космическая антенна, но и аккумулятор иноприродных сил, познающий в себе и через себя преодолевающий разорванность мира. Отсюда и эффект непрочитанности» [Чухонцев, 1995, с. 206].

«Поэт и редактор» изображает трагическое, но, вероятно, неизбежное и по-своему плодотворное несовпадение художника со своей эпохой, – таким образом, Чухонцев живописует не только конкретный хронотоп, но и универсальную, едва ли не архетипически вечную ситуацию.

Список литературы

- Вацууро В. Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М.: Новое издательство, 2008. 716 с.
Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 300 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 15. Братья Карамазовы. Книги XI–XII. Эпиграф. Л.: Наука, 1976. 624 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Том первый. Стихотворения 1828–1841. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 755 с.

Магомедова Д. М. Стихотворный диалог как поэтический манифест // Анализ художественного текста (лирическое произведение): Хрестоматия / Сост. Д. М. Магомедова, С. Н. Бройтман. М.: РГГУ, 2004. С. 287–296.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 399 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. 496 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 528 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. 575 с.

Скворцов А. Дело Семенова: фамилия против семьи (опыт анализа поэмы Олега Чухонцева «Однофамилец») // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 5–41.

Скворцов А. Э. Истоки и смысл поэмы Олега Чухонцева «Из одной жизни (Пробуждение)» // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Книга 2. Том 149. 2007. С. 165–179.

Скворцов А. Э. Трагикомический бурлеск: «Прощание со старыми тетрадами...» Олега Чухонцева // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 252–279.

Скворцов А. Э. Стихотворение О.Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // Ученые записки Казанского федерального университета. Гуманитарные науки. Том 154. Книга 2. 2012. С. 111–116.

Скворцов А. Э. «Чаадаев на Басманной» Олега Чухонцева: модификация одического начала // Филология и культура. 2013. № 36 (2). С. 182–187.

Скворцов А. Э. Стихотворение Олега Чухонцева «Дом»: между элегией и эпосом // Ученые записки Казанского федерального университета. Гуманитарные науки. Том 156. Книга 2. 2014. С. 136–145.

Скворцов А. О поэзии Олега Чухонцева // Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия: исследования, статьи, эссе и критика. Москва: ОГИ, 2015. С. 167–315.

Скворцов А. Приходящее к <Рец. на: Олег Чухонцев. выходящее из – уходящее за. – М.: ОГИ, 2015. – 86 с. > // Новый Мир. 2016. № 4. С. 193–198.

Чухонцев О., Тарощина С. Чистый звук: С поэтом Олегом Чухонцевым беседует обозреватель «ЛГ» С.Тарощина // Литературная газета. 1995. № 3. 18 янв. С. 5.

Чухонцев О. Похвала Семену Липкину // Новый Мир. 1995. № 10. С. 205–212.

Чухонцев О. Г. Из сих пределов. М.: ОГИ, 2008. 320 с.

Chukhontsev, O., Taroshina, S. (1995). *Chistyiy zvuk: S poetom Olegom Chuhontsevym beseduet obozrevatel «LG» S.Taroshina* [A Clear Sound: an “LG Observer S.Taroshina Talks to O.Chukhontsev”] / Literaturnaya gazeta. No.3/ 18 Jan., p.5. (In Russian)

Chukhontsev, O. (2008). *Iz sih predelov* [From These Limits]. 320p. Moscow: OGI. (In Russian)

Dostoevsky F. (1976). *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tt. T. 15. Bratia Karamazovy. Knigi XI–XII. Epilog* [Complete Works: 30 Vol. V.15. Karamazov Brothers. Books XI–XII. Epilogue]. 624 p. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Gasparov, M. (1999). *Metr i smysl. Ob odnom iz mehanizmov kulturnoi pamiati* [Meter and Meaning. On One of the Mechanisms of Cultural Memory]. 300 p. Moscow: RGGU. (In Russian)

Lermontov, M. (1959). *Sobranie sochinenii v chetyreh tomah. Tom pervyi. Stihotvorenia 1828–1841* [Selected Works: 4 Vol. V.1. Poems of 1828–1841]. 755 p. M.–L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

Magomedova, D. (2004). *Stihotvornyi dialog kak poeticheskii manifest // Analiz hudozhestvennogo teksta (liricheskoe proizvedenie): Hrestomatia* [Verse Dialogue as a Poetic Manifest. Analysis of Fictional Text (Lyrical Work). Chrestomathy]. Pp. 287–296. Moscow: RGGU. (In Russian)

Pushkin, A. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete Works: 10 Vol.]. V.2. 399 p. L.Nauka. (In Russian)*

Pushkin, A. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete works: 10 vol.]. V.3. 496 p. L.Nauka. (In Russian)*

Pushkin, A. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete works: 10 vol.]. V.6. 575 p. L.Nauka. (In Russian)*

Pushkin, A. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete works: 10 vol.]. V.5. 528 p. L.Nauka. (In Russian)*

Skvortsov, A. (2006). *Delo Semenova: familiia protiv sem'i (opyt analiza poemy Olega Chuhontseva «Odnofamilets»)* [Semenov's Case: a Family-Name versus the Family (an Experience of Analysing O.Chukhontsev's Poem “A Homonym”)]. *Voprosy literatury*. No.5, pp. 5–41. (In Russian)

Skvortsov, A. (2007). *Istoki i smysl poemy Olega Chuhontseva «Iz odnoj zhizni (Probuzhdenie)»* [The Sources and Meaning of Oleg Chuhontsev's Poem "From One Life (Awakening)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. B.2. V. 149. Pp. 165–179. (In Russian)

Skvortsov, A. (2011). *Tragikomicheskii burlesk: «Proshchane so starymi tetradiami...»* [A Tragicomic Burlesque: O.Chukhontsev's “A Farewell to the Old Copybooks...”]. *Voprosy literatury*. No.1, pp. 252–279. (In Russian)

Skvortsov, A. (2012). *Stihotvorenie O.Chuhontseva «Batyushkov» (genезis, forma, zhanr, podteksty)* [O.Chukhontsev's “Batyushkov” (Genesis, Verse Form, Genre, Subtexts)] / *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. B.2. V.154. Pp. 111–116. (In Russian)

Skvortsov, A. (2016). *Prihodyashee k <Rets. na: Oleg Chuhontsev. vyihodyashee iz – uhodyashee za.* [Coming to <A review on O.Chukhontsev's “From and

References

Chukhontsev, O. (1995). *Pohvala Semenu Lipkinu* [A Panegyric to Semen Lipkin]. *Novyi Mir*. No.10, pp. 205–212. (In Russian)

Beyond”]. 86 p. Moscow: OGI, 2015. No.4. Novyi Mir, pp. 93-198. (In Russian)

Skvortsov, A. (2014). *Stihotvorenie Olega Chuhontseva «Dom»: mezhdru elegiei i eposom* [O.Chuckhontsev’s “Home”: Between the Elegy and the Epos]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. B.2. V.156*. Pp. 136–145. (In Russian)

Skvortsov, A. (2015). *O poezii Olega Chuhontseva // Skvortsov A.E. Poeticheskaja genealogija: issledovania, stat’i, esse i kritika* [On O.Chuckhontsev’s poetry. Skvort-

sov A. Poetic Genealogy: Researches, Essays and Critical Reviews]. Pp. 167-315. Moscow: OGI. (In Russian)

Skvortsov, A. (2013). «Chaadaev na Basmannoï» Olega Chuhontseva: modifikatsiya odicheskogo nachala [O.Chuckhontsev’s “Chaadaev at Basmsnnaya Street”: Modification of the Ode]. *Philology and Culture*. No.36 (2), pp. 182-18. (In Russian)

Vatsuro, V. (2008). *O Lermontove: Raboty raznyh let* [On Lermontov: Works of Various Years]. 716 p. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2016

Поступила в редакцию 06.07.2016

Скворцов Артем Эдуардович,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bireli@inbox.ru

Skvortsov Artem Eduardovich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bireli@inbox.ru